

УДК: 821.161.1-93.-1
ББК: 83.83(2Рос=Рус)63+83.801.11

А. П. Трошина
A. Troshina
г. Екатеринбург, УрГПУ
Yekaterinburg, USPU

**ОБРАЗ ШКОЛЫ В ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ 1970–80-Х ГГ. (Ю. МОРИЦ,
И. ТОКМАКОВА, О. ГРИГОРЬЕВ)**
SCHOOL IMAGE IN CHILDREN'S POETRY OF 1970–80-TH
(Y. MORITZ, I. TOKMAKOVA, O. GRIGOREV)

Аннотация: В статье рассматриваются отличительные черты образа школы в поэзии О. Григорьева, И. Токмаковой, Ю. Мориц. В стихотворениях Григорьева столкновение ученика и учителя, взрослого и ребенка представляется как столкновение между догмой и живой жизнью, властью и внутренней свободой человека. Для поэта это шанс реализовать в поэзии «для детей» свой взгляд на советскую власть и частное её проявление – школу.

Ключевые слова: догма; поэтический мир; учитель; ученик; детская поэзия.

Abstract: This article examines the special features of school image in poetry of O. Grigorev, I. Tokmakova, Y. Moritz. In poems of O. Grigorev the clash between student and teacher or between adult and child is presented as a conflict among dogma and real life or among authorities and man's internal freedom. It is a chance for poet to realize in his poems for kids own view of Soviet power and school, because school it's a partial manifestation of this power.

Keywords: dogma; poetic world; student; teacher; children's poetry.

1970–80-е гг. в советской поэзии для детей – время расцвета. В этот период, последовавший за Оттепелью и вобравший ее гуманистический пафос, заявили о себе такие поэты, как В. Берестов, И. Токмакова, Р. Сеф, Ю. Мориц, Э. Мошковская, Э. Успенский и др. Для них характерны раскованность, граничащая с озорством, любовь к игре, следование традициям Серебряного века. В то же самое время опубликованы стихотворения для детей поэта О. Григорьева – «Чудаки» (1971), «Витамин роста» (1981), «Говорящий ворон» (1989). Однако его поэзия совершенно не вписывается в тот литературный ряд, который назван выше: стихи О. Григорьева совершенно не похожи на произведения его современников, адресующих свои стихотворения детям. Сосредоточим внимание на образе школы в поэзии 1970–80-х гг., в которой встречаются учитель и ученик, взрослый и ребенок – ключевые фигуры художественного мира детской поэзии.

«У Юнны Мориц вы не найдёте назидания, поучения. Грустить, творить, фантазировать, дурачиться, капризничать ребёнок имеет полное право. По мнению Юнны Петровны, детей нужно воспитывать с любовью, иногда баловать,

«... их нужно освобождать от всех запретов, которые не наносят им и окружающим физический вред, а также ребёнок должен знать, что он попадает в мир зла», – пишет Станислав Минаков [5]. Один из образов, создаваемый в поэтическом мире поэтессы, – школа, где встречаются ребенок и взрослый. Они – друзья, единомышленники, взрослый выступает помощником и советчиком ребенка, идущего в школу. В стихотворении «Первое сентября» взрослый не указывает, что требуется сделать первокласснику, а предлагает *вместе* готовиться к школьной поре:

Проснитесь-ка, будьте добры!
Вскочите, как ранние птички!
Давайте пригладим вихры
И в ленты **нарядим** косички [4, с. 15].

В словах говорящего взрослого чувствуются родительские интонации, говорящий «по-свойски», по-домашнему обращается к первокласснику:

В начале осенней поры,
Пожалуйста, будьте добры
Не спать на ходу, как тетеря,
А школьные вычистить перья [4, с. 15].

Герой-ребенок предстает перед нами как опрятный маленький птенчик, которому предлагают «вычистить перья», чтобы полететь по большой школьной жизни, причем «перья» здесь – и птичье оперение, и инструмент письма.

Даже императивно звучащее «не вздумайте» смягчено в стихотворении словами «будьте добры», которые смягчают требование:

Точить на уроках балясы,
Проказничать,
Строить гримасы,
Валять дурака,
Отвечать с потолка –
Не вздумайте, будьте добры [4, с. 15].

Учитель в стихотворении Мориц предстает как «мечтатель» и «мыслитель», это самые важные составляющие успеха у детей в начальной школе: взрослый помогает фантазировать, воображать и самостоятельно думать.

Внимание!
Входит учитель –
Мечтатель,
А также мыслитель.
Всем –
Ушки держать на макушке! [4, с. 15]

Подобным же образом изображается мир школы, взрослые и дети в поэзии И. Токмаковой. Школа вызывает у ребенка только положительные чувства, ассоциируется с радостью, праздником:

Какая радостная весть!
Мне скоро будет ровно шесть.
А если человеку шесть,
И у него тетрадки есть,

И ранец есть, и форма есть,
И счётных палочек не счесть,
И он читать старается,
То, значит, он (точнее – я),
То, значит, он (вернее – я),
Он в школу собирается [6, с. 34].

Здесь будущий ученик сам говорит о себе. Мысль ребенка возводится в ранг самостоятельной, имеющей право на существование и на право быть услышанной. Суждение ребенка немного наивно (достаточно ранца, тетрадей, чтобы считаться школьником), но это его суждение. Любопытно, что герой-ребенок в стихотворении Токмаковой фиксирует странность нового статуса, – это выражается в игре местоимениями «я» и «он», где Я – это еще подготовишка, а ОН – уже школьник. Право ребенка на грусть также отстаивается в детской поэзии И. Токмаковой; школьные заботы делают окружающий мир похожим на мир школы, где приходится немало трудиться, выписывая в разлинованных тетрадях палочки и крючки:

Кончается лето,
Кончается лето...
И солнце не светит,
А прячется где-то.
И дождь-первоклассник,
Робея немножко,
В косую линейку
Линует окошко [6, с. 32].

Мир, в котором живут герои И. Токмаковой, – мир разных цветов и оттенков: от прекрасного золотого, цвета «бабьего лета», до нежданной серой холодной осени. Это не только школа, но и природа, в согласии с которой существует маленький герой поэзии И. Токмаковой.

Совершенно иной образ школы и детей и взрослых создается в поэзии О. Григорьева.

В стихотворениях Григорьева редко встречается ситуация понимания между взрослым (учителем) и ребенком. Тот и другой далеки от того образа, который формируется в лирике Мориц и Токмаковой:

Учитель вышел в коридор
и к скважине преник.
К журналу тихо, точно вор,
Подкрался ученик.
И переправил «два» на «пять» –
Ведь по руки движению
Совсем не трудно угадать
Её изображение.
Учитель в класс скорей вошел,
Но исправленья не нашел [2, с. 67].

Герой-ребенок поступает хитро, исправляя оценку, но нечестную игру начинает именно учитель, вышедший из класса для подсматривания за учеником. Желание ребенка быть одобряемым (переправил два на пять) более или менее понятно, но тотальный надзор учителя над ребенком выглядит как этическая аномалия. Взрослый и ребенок, учитель и ученики у Григорьева не только не являются друзьями, часто они противники. Григорьев позволяет ребенку-хитрецу торжествовать над учителем, как, например, в процитированном стихотворении. Перед нами ученик «неправильный», не идеальный, но понимающий, что и как нужно делать. Губайдулина утверждает: «Герой-ребенок пытается совершать этически утвержденные поступки» и «... неосознанно вскрывает ложность взрослых правил...»

Образ учителя-взрослого конкретизируется в стихотворении «Внутри и снаружи»:

Внешняя сторона Петрова
Была к уроку готова,
Не будет учитель зря время терять,
Если снаружи написано: пять [2, с. 54].

Здесь взрослый не нарушает этических правил, но выступает как человек, сосредоточенный на внешнем соответствии ученика норме. Для учителя совершенно не важно, соответствует ли внешнее внутреннему, ему вообще нет никакого дела до «внутреннего» Петрова – до его мыслей, мечтаний, страхов. Учитель у Григорьева – только оболочка, «внешняя сторона» учителя, поэтому и его ученики для него ничем не наполнены.

Колоссальная разница между ребенком и взрослым (пусть не школьным учителем, но взрослым, который берется воспитывать) демонстрируется Григорьевым в стихотворении «Зажав кузнечика в руке...»:

Зажав кузнечика в руке,
Сидит ребенок на горшке.
– Нельзя живое истязать! –
Я пальцы стал ему ломать.
– Нельзя кузнечиков душить! –
Я руки стал ему крутить.
На волю выскочил кузнечик,
Заплакал горько человечек [2, с. 15].

В стихотворении три героя: ребёнок, кузнечик, который по случайности попал в руки малышу, и лирический герой, спасающий кузнечика. Изначально герой не ставит перед собой вопрос: как объяснить, что мучить живое нельзя, не навредив маленькому? Автор, описывая действия лирического героя, употребляет глаголы *ломать*, *крутить*. Но разве можно применить такие действия к человеку, тем более маленькому? Жестокое отношение к ребёнку становится формой коммуникации, т. е. языком. Гиперболизация слов-действий лирического героя определяет отношение автора и читателя к говорящему. Следует обратить внимание и на синтаксис его реплик: две реплики начинаются со слова «нельзя», построены одинаково, заканчиваются восклицательным знаком. Взрослый –

это воплощение догмы, которая требует неукоснительного подчинения и жестоко карает за непослушание. Взрослый руководствуется благими намерениями, но они оборачиваются насилием по отношению к маленькому человеку, познающему мир.

В лирике О. Григорьева, как видим, мир школы, отношения между воспитывающим взрослым и ребенком существенно отличаются от мира школы в лирике Ю. Мориц и И. Токмаковой. Если в творчестве поэтесс школа – мир, где взрослые и дети существуют в гармонии, помогают друг другу, мыслят и мечтают ВМЕСТЕ, то в школе Григорьева мыслям и мечтам вообще нет места в школе. Ребенок и учитель существуют в отношениях скорее вражды; взрослый воплощает догму, его язык – язык лжи и насилия, а естественные реакции ребенка на мир воспринимаются взрослым как преступление.

Чем же можно объяснить столь разительное отличие образов школы, учителя и ученика в творчестве поэтов, творящих в одно время? Причина заключается в своеобразии эстетической позиции О. Григорьева. В литературе 1970–80-х гг. он занимал особое положение. И. Н. Арзамасцева отмечает, что «... стихотворения Г., появившиеся в самом начале 60-х годов, сразу поставили поэта в оппозицию к официальному искусству и вместе с тем обнаружили внутреннее единство с городской субкультурой, с поэтикой забытых, казалось бы, обэриутов» [1, с. 84]. А. В. Леухина говорит о Григорьеве как о поэте-примитивисте, объясняя таким образом специфику образа ребенка в его поэзии: «При жизни таких авторов, как О. Григорьев, И. Холин и др., их опубликованных произведений было ничтожно мало. По крайней мере, так называемых «взрослых» стихотворений. Для ряда писателей единственным способом легитимации примитивизма являлась детская литература, центральным образом которой становится ребенок (одна из разновидностей «чудаков», «дикарей»). Конструирование сознания ребенка – одна из ярких черт примитивистского творчества, будь то живопись или литература. Для детского сознания не существует нормативных культурных оценок, дидактики. Речь идет о детском взгляде, позиции «изнутри» детства. Эта апелляция к наивному взгляду – минималистская особенность примитивистского творчества, читатель встречается с минус-рефлексией: анализ здесь как бы отсутствует, действия совершаются необдуманно, без каких-либо оснований... Ребенок – это и символ дикарского сознания, которому многое открыто и доступно. Выбираемая примитивистами «личина» ребенка или безумца может объясняться тем, что голос ребенка, как и голос сумасшедшего, в официальной культуре – это голос, не имеющий силы (М. Фуко). Здесь открываются два пути: либо к этому голосу не прислушиваются, либо он оказывается проводником высшей истины» [3].

Итак, в детских стихотворениях О. Григорьева воплотилось столкновение между догмой и живой жизнью, властью и внутренней свободой человека, чей голос не воспринимается всерьез, и воплощением этого конфликта стало именно столкновение взрослого (учителя, воспитателя) и ученика-ребенка. Именно в этом заключается корень несоответствия между доброй, гуманистически направленной детской поэзией И. Токмаковой, Ю. Мориц и др. и поэзией О. Гри-

горьева: для Григорьева, лишенного возможности публикации «взрослых» стихотворений, реализации как яркого художника, поэзия «для детей» оказывалась той площадкой, которая позволяла транслировать взгляд на советский мир (и на его частное проявление – школу) как на столкновение власть придержащих и не имеющих власти.

Библиографический список

1. Арзамасцева, И. И. Русские детские писатели XX века : библиографический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. / И. И. Арзамасцева. – М. : Флинта : Наука, 2008.
2. Григорьев, О. Чудаки / О. Григорьев. – СПб. : ДЕТГИЗ, 2006.
3. Леухина, А. В. Литературный примитивизм: эстетика и поэтика : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Леухина. – Самара, 2010. – 141 с. – <http://cheloveknauka.com/literaturnyy-primitivizm-estetika-i-poetika>.
4. Мориц, Ю. П. Большой секрет для маленькой компании / Ю. П. Мориц. – М. : Оникс. 2005.
5. Минаков, С. Вечная юность Юнны / С. Минаков // Одна Родина. – 2012. – <http://odnarodyna.org/node/8777>.
6. Токмакова, И. В. Стихотворения / И. В. Токмакова. – М. : Дрофа. – 2005.